
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Афинянин. Ну, а каким же надо представлять себе это будущее государство? Я спрашиваю не о нынешнем его наименовании и не о том, как в последующее время придется его называть: ведь наименование оно получит скорее всего от самого своего основания, т. е. либо от местности, либо от какой-нибудь реки, либо от источника, либо от богов той местности; в так вновь возникающее государство приобщится к их славе. Задавая свой вопрос, я хотел бы узнать: будет ли оно приморским, или нет?

Клиний. То государство, о котором у нас сейчас шла речь, чужестранец, будет отстоять от моря приблизительно на восемьдесят стадий⁷³.

Афинянин. Что же, на прибрежной полосе будут у него гавани или оно совершенно будет лишено гаваней?

Клиний. Да, чужестранец, там будут самые прекрасные гавани, какие только могут быть.

Афинянин. Ах, что ты говоришь! Как? Разве окружающая местность не производит всего необходимого, так что кое чего недостает?

Клиний. Пожалуй, нет ни в чем недостатка.

Афинянин. Будет ли у него вблизи какое-либо государство по соседству?

Клиний. Нет, поэтому-то и основывается поселение. Вследствие давнего выселения, происшедшего здесь, местность эта стала пустынной с незапамятных времен.

Афинянин. Далее, каким оно нам достанется в смысле распределения равнин, гор и леса?

Клиний. Вся эта местность, по своей природе, похожа на остальной Крит.

D Афинянин. Так что ты назвал бы ее скорее гористой, чем равнинной?

Клиний. Именно так.

Афинянин. Значит, это государство может исцелиться и приобрести добродетель. Ведь если бы оно было приморским, с прекрасными гаванями, и не производило бы всего необходимого, а испытывало бы во многом недостаток, то понадобился бы для него какой-нибудь великий спаситель и какие-нибудь божественные законодатели, чтобы воспрепятствовать ему, при таком его природном расположении, возыметь немало разных дурных нравов. Теперь же эти восемьдесят стадий составляют некоторое утешение. И то уже оно расположено к морю ближе, чем должно, поскольку, по твоим словам, у него есть прекрасные гавани; однако, удовольствуемся хоть этим.

В Ведь море, прилегающее к местности, хотя и услаждает каждый день, но, на самом деле, это весьма горькое и соленое соседство. Море наполняет местность крупной торговлей и стремлением нажиться через мелкое торгашество, порождает в душах нравы переменчивые и недоверчивые, так что государство становится недоверчивым и нелюбящим как по отношению к самому себе, так равным образом и к остальным людям. Утешением в данном случае служит то, что эта местность производит все необходимое; а раз она гориста, то, очевидно, она производит не много, но зато все необходимое. Иначе, обладая большим вывозом, она снова наполнилась бы, в обмен на него, серебряной и золотой монетой. А для государства, в смысле приобретения благородных и справедливых нравов, нет, так сказать, большего зла, чем это, если только сравнивать единичное с единичным. Сколько помнится, именно так мы сказали ранее в нашей беседе.

Клиний. Мы помним это и согласны, что мы и тогда, и теперь правы.

С Афинянин. Так что же? А с корабельным лесом как обстоит дело в нашей местности?

Клиний. Там нет сколько-нибудь заслуживающих упоминания елей и сосен. Кипарисов тоже не много. Мало, опять-таки,

можно найти пихт и платанов; а ведь они всякий раз надобятся кораблестроителям для внутренних частей судов.

Афинянин. И в этом отношении природа местности не плоха.

Клиний. Как так?

Афинянин. Хорошо, когда государство нелегко может д подражать своим врагам в дурном.

Клиний. Что из вышесказанного имеешь ты в виду при этих твоих словах?

2

Афинянин. Друг мой, следи за мной с точки зрения того, что в самом начале было сказано о Критских законах, именно: они имеют в виду только одно, только войну, как это вы оба указали. Я же, возражая, сказал: прекрасно, что подобные узаконения имеют в виду добродетель; однако, я не очень-то соглашался с тем, что они имеют в виду только часть добродетели, а не всю. Так вот теперь, с своей стороны, следите за мной при настоящем законодательстве: установлю ли я хоть один закон, который не имел бы отношения к добродетели или ее части. Я полагаю, что только тот надлежащим образом устанавливает закон, кто, на подобие стрелка, каждый раз целит в то, что одно только непрерывно влечет за собою нечто всегда прекрасное; кто оставляет в стороне все прочее, всякое богатство и все тому подобное, если оно не соединяется с вышеуказанными добродетелями. Я сказал, что дурное подражание врагам возникает тогда, когда кто живет при море и тревожим врагами, как, например—я говорю не из какого-либо злопамятства против вас—Минос некогда принудил жителей Аттики в платить тяжелую дань⁷⁴. У него были большие морские силы, у них же не было ни военных судов, как теперь, ни корабельного леса в стране, из которого легко можно было бы построить флот. Поэтому они не смогли стать моряками, путем подражания морскому делу, и сразу отразить тогда же врагов. Еще много раз довелось им терять по семи мальчиков, прежде чем стали они из стойких пеших бойцов моряками и приучились с делать частые высадки с судов, а затем бегом быстро возвра-

щаться опять на суда; прежде чем возомнили они, будто нет ничего постыдного в недостатке стойкой отваги и готовности умереть при натиске врага; прежде чем начали они пользоваться весьма сподручными и правдоподобными предложениями, в случае потери оружия и обращения в непостыдное, как они выражаются, бегство⁷⁵. Ведь подобные выражения, излюбленные на морской службе, вовсе недостойны бесчисленных похвал, какие им нередко воздают; напротив, никогда не следует приучать к дурным привычкам, а тем более лучшую часть граждан. Что подобное обыкновение нехорошо, можно усвоить и из Гомера. Ведь у него Одиссей порицает Агамемнона, который приказал стащить корабли в море, когда ахейцы были теснимы в бою троянцами. Тот же рассердился на него и говорит:

Е „Ты предлагаешь теперь, в продолжение боя и смуты,
В море спускать корабли, да желанное сердцу троянам,
В брани и так торжествующим, сбудется все, а над нами
Грозная гибель над всеми обрушится! Ибо ахейцы
Боя не выдержат, если суда повлекутся на волны:
Вспять озираться начнут и оставят воинскую доблесть,
707 И твои нас советы погубят, правитель народа!“

(Ил. XIV, 96 сл.).

Значит, и Гомер также признавал дурным, когда на море, недалеко от сражающихся гоплитов, стоят триэры. При таких привычках даже львы приучились бы бежать от ланей. Кроме того, в государствах, обязанных своими силами и спасением флоту, вовсе не лучшему из воинов достаются почести. Потому что там, где победу обуславливают кормчие, капитаны и гребцы,
В т. е. различные и не слишком дельные люди, вряд ли кто сможет надлежащим образом распределить почести. А если государство лишено этого, каким образом может быть правильным его строй?

Клиний. Пожалуй, это невозможно. Однако, чужестранец по крайней мере, мы, критяне, считаем, что морская битва эллинов с варварами при Саламине спасла Элладу.

Афинянин. Да, и большинство эллинов и варваров утверждают это. Но мы, т. е. я и Мегилл считаем, друг мой, что спасению Эллады положила начало сухопутная битва при Марафоне,

а завершением спасения была битва при Платеях. Эти битвы сделали эллинов лучшими, а те—я объединяю обе морские битвы, как при Саламине, так и при Артемисии—не сделали лучшими, если только так можно выразиться о битвах, способствовавших тогда нашему спасению. Ныне же мы обсуждаем и природу местности, и распорядок законов с точки зрения преимуществ государственного устройства, ибо мы считаем самым ценным для людей не спасение и только существование, как это считает толпа, но достижение совершенства и пребывание в нем во время своего существования. Впрочем, я думаю, это было уже нами высказано раньше.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Итак, рассмотрим еще только вот что: является ли тот путь, на который мы вступили, наилучшим как для основания государств, так, равным образом, и для законодательства?

Клиний. Да, он гораздо лучше.

3

Афинянин. Далее, скажи: что за народ будет у вас выведен в это поселение? Всякий ли желающий со всего Крита,—если в том или ином государстве численность населения станет больше, чем может прокормить там земля? Однако, ведь вы не всякого желающего из эллинов принимаете к себе, хотя я и вижу в вашей стране переселенцев из Аргоса, Эгины и других мест Эллады. В настоящем случае, скажи нам, откуда на вербете вы граждан?

Клиний. Со всего Крита, конечно; а из остальных эллинов предпочтение будет отдано выселенцам из Пелопоннеса. Ведь, как ты верно заметил, здесь, на Крите, есть выходцы из Аргоса; да и наиболее известное здешнее племя, гортинское, образовано выходцами из пелопоннеской Гортины.

Афинянин. Основание государств происходит не с одинаковой легкостью, если оно не совершается на подобие отроений; хорошо, когда единое племя выселяется из одной какой-либо страны, причем друзья идут рядом с друзьями, если страна тесна или какие другие, тому подобные, обстоятельства принуждают их

выселиться. Бывает, что междоусобия заставляют какую-нибудь малую часть граждан переселиться в другое место; а иногда и все граждане какого-нибудь государства бывают вынуждены бежать, будучи наголову разбиты на войне. В одних из этих случаев легче основать поселение и дать ему законы, в других труднее. Единство племени, языка, законов, общность жертвоприношений и всего тому подобного порождает некоторую взаимную любовь; однако, в этом случае не легко принимаются законы иные, чем на родине, и другое государственное устройство. Иногда происходят даже возмущения, вследствие дурного качества законов и стремления, по привычке, держаться тех же самых обычаев, которые повели к гибели; это причиняет немало затруднений основателю поселения и законодателю, так как убедить поселенцев нелегко. С другой стороны, когда разноплеменные поселенцы стекаются воедино, они, быть может, более расположены повиноваться новым законам; но трудно заставить их быть единомышленными, так, чтобы каждый в отдельности человек даже дышал—как это говорится о запряжке коней—в единении с остальными. Это потребует долгого времени. Во всяком случае, ничто, действительно, так не способствует добродетели людей, как законодательство и основание государств.

Клиний. Конечно. Разъясни нам, что имеешь ты в виду, говоря это?

4

Афинянин. Друг мой, возвращаясь опять к законодателям и рассматривая их, я должен буду, вероятно, указать и на кое-что отрицательное. Но это не беда, лишь бы было к стати. Что же именно не нравится мне? Ведь так, повидимому, обстоит дело чуть ли ни со всеми человеческими делами.

Клиний. Что ты имеешь в виду?

709 Афинянин. Я хотел сказать, что никогда никто из людей не дает никаких законов, но что все наши законы даются нам случайностями и разными выпавшими несчастьями. Так, или какая-нибудь война насильно перевертывает весь государственный строй и изменяет законы, или же нужда тяжелой бед-

ности. Да и болезни,—если приключатся заразные,—принуждают делать много нововведений; так что иной раз надолго, на много лет, водворяется безвременье. Предвидя все это, всякий поспешит сказать, как и я теперь, что ни один смертный не дает никаких законов, но что все человеческое есть дело случая. Это утверждение кажется верным в приложении к мореплаванию, кораблевождению, медицине, военному делу; однако, оно прекрасно применимо и в настоящем случае.

Клиний. Какое именно утверждение?

Афинянин. Бог управляет всем, а вместе с богом случайность и благовремение правят всеми человеческими делами. Впрочем, во избежание резкости, надо уступить, что за ними следует и нечто третье, именно: искусство. В самом деле: благовременное применение, или неблагоприятное, искусства кормчего, в случае бури, дает, по моему, большие преимущества. Не так ли?

Клиний. Да, так.

Афинянин. Это же соотношение сохраняется и в других областях, и, в особенности, надо отвести ему место в законодательстве. Так, для того, чтобы государство было счастливо устроено, оно нуждается, кроме удачного стечения всех местных условий, еще и в законодателе, держащемся истины.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Итак, кто обладает искусством в чем-либо из вышеупомянутого, тот правильно стал бы желать такого стечения обстоятельств, обусловленных случайностью, что там не хватало бы только его искусства.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Стало быть все только что упомянутые люди, если им предложить высказать их желание, высказали бы именно это? Не правда ли?

Клиний. Да.

Афинянин. В том числе и законодатель, думаю я, поступил бы точно так же.

Клиний. Я, по крайней мере, тоже так думаю.

Афинянин. Скажи же, законодатель,—обратимся мы к нему,—находящееся в каких условиях и в каком состоянии государство надо тебе дать, чтобы ты, приняв его, смог бы уже

сам устроить его достаточным образом во всем остальном? Какого ответа можно справедливо ожидать на эти слова? Не сказать ли нам за законодателя?

Клиний. Да ⁷⁶.

Афинянин. Так вот что он ответит: „Дайте мне государство с тиранническим строем. Пусть тиран будет молод, 710 памятлив, способен к ученью, мужествен и от природы величествен; кроме того, душа этого тирана должна обладать теми свойствами, которые, как мы сказали раньше, являются следствием каждой из частей добродетели. Только при этом условии полезна наличность остальных его качеств.

Клиний. Мне кажется, Мегилл, наш гость указывает на здравомыслие, как на следствие добродетели.

Афинянин. Да, здравомыслие, Клиний, и притом в общепринятом значении этого слова, а не так, как иные важно заявляют, принуждая здравомыслие быть разумностью. Нет, здравомыслие врождено сразу даже детям и животным и сказывается в том, что одни из них могут, а другие нет, господствовать над наслаждениями. Это здравомыслие, взятое отдельно 720 от многого другого, что называется благом, не заслуживает и упоминания. Ведь вы помните, на что я указываю?

Клиний. Да, конечно.

Афинянин. Так пусть у нас тиран обладает и этим природным свойством в придачу к тем, если только государство намерено по возможности скорее и лучше приобрести такое устройство, которое сделает его в высшей степени счастливым. В самом деле, нет и не будет лучшего, чем это, положения вещей для скорейшего и наилучшего осуществления такого государственного строя.

Клиний. Но каким образом и на каком основании, чужез 730 странец, человек, высказывающий подобные взгляды, мог бы убедиться в своей правоте?

Афинянин. Легко заметить, Клиний, что согласно природе дело обстоит именно так.

Клиний. Что ты разумеешь? Если бы был, говоришь ты, тиран молодой, здравомыслящий, способный к ученью, памятли- 740 вый, мужественный, величественный—

Афинянин. Прибавь: счастливый, но не в чем другом счастливый, как в том, что, во время его владычества, появится законодатель, достойный хвалы, и какая-то случайность сведет их воедино. Если это произойдет, то богом совершено почти все, что делает он, когда хочет, чтобы какое-либо государство особенно преуспевало. На втором месте мы поставим появление двух таких правителей, на третьем—трех, словом, тем больше трудностей, чем число правителей больше, и обратно.

Клиний. Оказывается, ты утверждаешь, что наилучшее государство может возникнуть из тирании, благодаря выдающемуся законодателю и благопристойному тирану, и что там подобный переход всего легче и быстрее; возникновение же из олигархии стоит у тебя на втором месте, из демократии— на третьем. Так ты говоришь?

Афинянин. Вовсе нет. На первое место ставлю я возникновение из тирании, на второе из государственного строя, возглавляемого царской властью, на третье—из какой-либо демократии, на четвертое—олигархию. В самом деле: из олигархии всего труднее возникнуть совершенному государству, так как при ней всего больше властителей. Мы же говорим, что это произойдет только тогда, когда явится истинный по природе законодатель, и когда его мощь будет действовать сообща с наиболее сильными в государстве лицами. А так как, чем меньше число лиц стоит у власти, тем она крепче, как, например, в тирании, то именно при ней и может тогда произойти всего быстрее и легче подобный переход.

Клиний. Каким образом? Мы все-таки не понимаем.

Афинянин. Между тем, об этом было сказано у нас не один раз, а неоднократно. Да, быть может, вы никогда и не видели государства с тиранническим строем?

Клиний. Я не слишком большой охотник до подобного зрелища!

Афинянин. Однако, ты увидел бы там то, о чем сейчас в речь.

Клиний. Что именно?

Афинянин. Если тиран захочет изменить нравы государства, ему не потребуется особых усилий и слишком долгого времени. Хочет ли он обратить своих граждан к добро-

детельным обыкновениям или, наоборот, к порочным, ему сто́ит только самому вступить на избранный им путь. Его собственное поведение будет служить предписанием, так как одни поступки будут вызывать с его стороны похвалу и почет, другие—порицание; ослушника же он будет покрывать бесчестьем за тот или иной поступок.

Клиний. Но как можем мы предположить, что остальные граждане поспешат пойти по стопам того, у кого есть власть не только убеждать, но и принуждать?

Афинянин. Друзья мои, не давайте себя никому убедить, будто государство может легче и скорее изменить свои законы другим каким-нибудь путем, чем под руководством властителей; нигде этого не случится ни теперь, ни впредь. Однако, не в этом невозможность и трудность осуществления. Трудности здесь иного рода; они редко, на протяжении веков, бывают устранены; зато если удастся их устранить, то государство, где это случилось, пользуется бесчисленными, даже всеми благами.

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. Трудно, чтобы божественная любовь к здоровым и справедливым обыкновениям зародилась в лицах, облеченных высшей властью, вследствие ли монархического строя, или потому, что они выдаются по своему богатству и знатности. Трудно, чтобы кто-либо возродил в себе природные свойства Нестора, превосходившего всех людей не только силой слова, но и еще больше здравомыслием⁷⁷. Так было, по преданию, во времена Трои, в наше же время этого вовсе не бывает. Но если подобный человек родился, родится или теперь уже существует среди нас, то жизнь его счастлива, и счастливы люди, внимающие словам, исходящим из здоровых уст. То же самое можно сказать и о всякой власти вообще: если в человеке величайшая власть совпадет воедино с разумностью и здравомыслием, тогда возникает наилучший государственный строй и наилучшие законы — не иначе. Да будет это положение у нас точно некое священное слово, возвещенное оракулом; да будет считаться доказанным, что хотя, с одной стороны, трудно стать государству благозаконным, но, с другой стороны, т. е. если бы случилось то, на что мы указали, нет ничего легче и быстрее.

Клиний. Как так?

Афинянин. Давайте попробуем мы, старики, точно дети, в создавать на словах законы, подходящие к твоему государству.

Клиний. Давайте, и не медля.

5

Афинянин. Призовем бога в помощь устройению нашего государства. Да услышит он нас и да придет милостиво и благосклонно, чтобы, совместно с нами, упорядочить наше государство и его законы!

Клиний. Да придет он!

Афинянин. Итак, какого рода государственный строй с установим мы, мысленно, в нашем государстве?

Клиний. Что ты хочешь сказать? Разъясни, говоришь ли ты о демократии, об олигархии, об аристократии, или о царской власти? Ведь не о тирании же, в самом деле, станешь ты говорить, думается нам.

Афинянин. Ну, так пусть тот из вас, кто хочет первым ответить на мой вопрос, укажет, какое государственное устройство у него на родине.

Мегилл. Не мне ли, как старшему, справедливее отвечать первым?

Клиний. Пожалуй.

Мегилл. Чужестранец, размышляя о государственном устройстве Лакедемона, я не могу так-таки сразу указать, к какому роду его следует причислить. Оно похоже даже на тиранию, так как в нем власть эфоров удивительно напоминает тираническую. А иной раз мне кажется, что моя родина похожа на самое демократическое из всех государств. В свою очередь, было бы совершенно странным не признать в ней и аристократию. Впрочем, есть в ней и пожизненная царская е власть, признаваемая и нами, и всеми людьми за самую старинную. Так что на этот твой внезапный вопрос я, повторяю, не могу дать точного определения государственного строя моей родины.

Клиний. Оказывается, Мегилл, в таком же положении и я: я нахожусь в большом затруднении, к какому роду причислить государственный строй Кноса.

Афинянин. Это потому, дорогие мои друзья, что вы действительно причастны государственным устройствам, а те виды, которые мы только что назвали, не являются государственными устройствами, а попросту сожительством граждан, где одна их часть владычествует, а другая рабски повинуется. Каждое такое соительство получает свое название от тех владык, в руках которых власть. Если бы нужно было и наше государство именовать по этому же правилу, то надо было бы дать ему название по имени бога, истинного владыки разумных людей.

Клиний. Какой же это бог?

Афинянин. Не должно ли опять немного привлечь на помощь миф, чтобы дать складный и ясный ответ на этот вопрос?

Клиний. Значит, надо это сделать.

6

Афинянин. Даже очень. Говорят, что гораздо раньше тех государств, основание которых мы разобрали выше, существовало при Кроносе в высшей степени счастливое правление и устройство общества, подражанием чему является наилучшее нынешнее государство.

Клиний. Очень стóит, повидимому, об этом послушать.

Афинянин. По крайней мере, мне так кажется; поэтому-то я и упомянул о нем среди разговора.

Клиний. Ты поступил совершенно правильно, и делаешь еще лучше, если расскажешь миф дальше до конца, раз он подходящий.

Афинянин. Исполню ваше желание. До нас дошло предание о блаженной жизни тогдашних людей, о том, как все в изобилии и само собою доставалось им. Причиной этого было, говорят, вот что: Кронос знал, что никакая человеческая природа, как это мы указали, не в состоянии неограниченно править всеми человеческими делами без того, чтобы не преисполниться наглости и несправедливости; сознавая все это, Кронос тогда поставил царями и правителями наших государств не людей, но демонов, существа более божественного и лучшего рода. В наше время так поступаем мы со стадами

овец и других домашних животных: ведь мы не ставим быков начальниками над быками и коз над козами, но сами мы, принадлежа к лучшему, чем они, роду, властвуем над ними. Точно также и бог, будучи человеколюбив, поставил тогда над нами лучший род, род демонов; они с чрезвычайной легкостью как для себя, так и для нас заботились о нас и доставляли нам мир, совестливость, благозаконие и изобилие правосудия что делало человеческие племена свободными от раздоров и счастливыми. Это сказание, согласное с истиной, и теперь еще утверждает, что те государства, где правит не бог, а смертный, не могут избегнуть зол и трудов. Здесь имеется в виду, что мы должны всяческими средствами подражать той жизни, что, как говорят, была при Кроносе; мы должны, насколько в нас есть бессмертия, убежденно следовать этой жизни как в общественных, так и в частных делах, и именно так устраивать наши дома и государства, называя законом разделение разума⁷⁸. Если же отдельный человек, какая-либо олигархия или демократия обладает душой, стремящейся к наслаждениям и страстям, и требует себе удовлетворения в этом отношении, так что ничего не может сохранить, но одержима нескончаемой и ненасытной злой болезнью,—если подобный человек станет, поправ законы, править государством или каким-либо частным лицом, тогда, как мы только что указали, нет средств спасения. Вот нам и надо, Клиний, рассмотреть это сказание; послушаемся ли мы его, или поступим как-либо иначе?

Клиний. Необходимо послушаться.

Афинянин. Ты, конечно, заметил, что иные люди утверждают, будто существует столько же видов законов, сколько есть видов государственного устройства. Сколько видов государственного устройства насчитывает большинство людей, это мы недавно разобрали. Не думай, будто наше нынешнее разногласие с мнением большинства касается незначительного вопроса. Наоборот, вопрос этот чрезвычайно важен, ибо мы снова разошлись во мнениях относительно того, что именно надо иметь в виду, т. е. относительно справедливости и несправедливости. Законы, по мнению иных людей, не должны иметь в виду ни войну, ни, тем менее, всю в совокупности добродетель; по мнению этих людей, законы должны иметь

своей целью пользу уже установившегося государственного строя, так чтобы этот образ правления оставался навеки и никогда не был нарушен. Они считают такое определение справедливости наиболее согласным с природой.

Клиний. Какое определение?

Афинянин. Справедливость есть польза сильнейшего.

Клиний. Скажи еще яснее.

Афинянин. Дело вот в чем: они утверждают, что тот элемент, который одержал верх в государстве, и устанавливает всякий раз законы. Не так ли?

Клиний. Ты прав.

Д Афинянин. Не думаешь ли ты, говорят они, что одержавший победу тиран, народ или кто другой установит добровольно законы, имеющие в виду иное, а не свою собственную, прежде всего, пользу, т. е. закрепление за собой власти.

Клиний. Конечно, так.

Афинянин. Значит, тот, кто устанавливает, назовет свои установления справедливыми, а преступившего станет наказывать яко бы за несправедливость.

Клиний. Это очевидно.

Афинянин. Стало быть, так-то всегда и обстоит дело с справедливостью.

Клиний. По крайней мере так вытекает из этих положений.

Е Афинянин. А это-то и есть одно из тех преимуществ власти.

Клиний. Каких?

Афинянин. Тех преимуществ, о которых мы упомянули, когда разбирали, кому кем надлежит править. Выяснилось, что родители должны править детьми, старшие—младшими, благородные—неблагородными. Насколько помнится, было там немало и других положений, причем одни противоречили другим.

715 В том числе было там и это положение, и мы сказали, что Пиндар, согласно с природой, утверждает, что, по справедливости, власть должна сопровождаться величайшей силой⁷⁹.

Клиний. Да, именно так было сказано тогда.

Афинянин. Обсуди же, кому вручить нам наше государство. Ведь в некоторых государствах тысячи раз случалось следующее—

Клиний. Что?

7

Афинянин. Так как там происходила борьба за власть, то победители настолько присвоили исключительно себе все государственные дела, что побежденным, ни им самим, ни их потомкам, не дают ни малейшей доли в управлении. Всю жизнь они проводят настороже друг против друга, ибо боятся, что кто-либо восстанет, захватит власть и припомнит им тогда прошлые их злодеяния. А подобное положение вещей, утверждаем мы теперь, не есть государственное устройство; неправильны те законы, что установлены не ради общего блага всего в совокупности государства. Мы признаем, что там, где законы установлены в интересах одной группы населения, не может быть речи о государственном устройстве, а только о внутренних расприх, и что то, что там считается справедливостью, напрасно носит это имя. Мы потому так говорим, что ведь в твоём государстве мы будем предоставлять государственные должности не тем, кто богат, силен, велик ростом, знатен или обладает каким-либо из тому подобных качеств, но тем, кто будет всего более повиноваться установленным законам и этим одержит победу в государстве. Такому человеку, утверждаем мы, первому надо предоставить величайшее служение богам; второе по важности служение — тому, кто одержал победу вслед за первым, и так далее на том же самом основании. Не ради нового словообразования назвал я сейчас правителей служителями законов: я, действительно, убежден, что спасение государства зависит от этого более, чем от чего-либо иного. В противном случае бывает наоборот. Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Где же закон владыка над правителями, так что они его рабы, там усматриваю я спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги.

Клиний. Клянусь Зевсом, чужестранец, ты дальнзорок, как это и естественно в твоём возрасте!

Афинянин. Когда человек молод, он в высшей степени плохо различает подобные предметы, в старости же, наоборот, очень отчетливо.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Что же дальше? Не предположить ли нам, что наши переселенцы уже пришли и стоят перед нами, так что дальнейшая наша речь должна быть обращена к ним?

Клиний. Конечно.

716 Афинянин. Поселенцы, скажем мы им, бог, по древнему сказанию, держит начало, конец и средину всего сущего. По прямому пути бог приводит все в исполнение, хотя, по природе своей, он вечно обращается в круговом движении⁸⁰. За ним всегда следует правосудие, мстящее отстающим от божественного закона. Кто хочет быть счастлив, должен держаться его и следовать за ним смиренно и в строгом порядке. Если же кто, вследствие надменности, превозносится богатством, почестями, телесным благообразием; если кто юностью, неразумием и наглостью распаляет свою душу, так что считает, будто ему уже не нужен ни правитель, ни руководитель, но будто он сам годится в руководители другим,—такой человек остается позади, будучи в лишен бога. Оставшись позади и подобрав еще других, себе подобных, он мечется, приводя все в смятение. Многим кажется он человеком значительным, но в скором времени придется ему дать не малое удовлетворение правосудию; он в корень губит как себя самого, так и свой дом и государство. Вот как обстоит дело. Поэтому, как же должен поступать и мыслить разумный человек?

Клиний. Ясно, по крайней мере, вот что: всякий человек должен мыслить о себе, что он будет одним из спутников бога.

8

с Афинянин. Какой же образ действий любезен и соответствует богу? Только один, основанный на старинном изречении: подобное любезно соразмерному подобному; несообразные же вещи нелюбезны ни друг другу, ни соразмерным. У нас мерой всех вещей, преимущественно, пусть будет бог, гораздо более, чем какой-либо человек, как это некоторые утверждают⁸¹. Поэтому, кто хочет стать любезным богу, необходимо должен, насколько может более, уподобиться ему. На этом основании,

кто из нас здравомыслящ, тот любезен богу, ибо подобен ему. D
Кто не здравомыслящ, тот не подобен, но отличен от него
и несправедлив. То же самое соотношение сохраняется и
в остальном. Выведем вытекающее отсюда положение, по моему
мнению, самое прекрасное и верное из всех положений: для
человека доброго в высшей степени прекрасно, хорошо и по-
лезно, имея в виду счастливую жизнь, совершать жертвопри-
ношения богам, общаться с ними путем молитв, приношений E
и всякого их культа. Ему это чрезвычайно подобает. Для че-
ловека же злого все обстоит от природы как раз наоборот,
ибо душа злого человека нечиста, добрый же человек чист;
а принимать дары от человека запятнанного не надлежит ни 717
доброму человеку, ни богу. Поэтому культ богов со стороны
людей нечестивых тщетен, со стороны же благочестивых—
в высшей степени уместен. Такова наша цель, куда мы должны
метить. Но что является нашими стрелами и по какому направ-
лению надо нам их метать, чтобы всего вернее попасть в цель?
Цели благочестия всего вернее достигнет тот, скажем мы, кто B
прежде всего, вслед за почитанием Олимпийцев и богов охра-
нителей государства, станет уделять подземным богам четное,
вторичное и левое, вышним же богам—нечетное и противопо-
ложное только что указанному⁸². Вслед за этими богами ра-
зумный человек станет почитать священными обрядами демо-
нов, а после них и героев. Затем следует обрядовое почита-
ние, согласно с законом, частных святилищ родовых богов и
почтенке по отношению к еще живым родителям: ведь нам
надо выплатить им самые великие и первые долги, самые зна-
чительные из всех повинностей; мы должны сознавать, что
все, чем мы обладаем и что имеем, принадлежит тем, кто нас C
родил и вскормил; поэтому-то и должно, по мере сил, предо-
ставлять все это к их услугам: во-первых, наше имущество,
затем наше тело, в-третьих, нашу душу. Только этим можем
мы отплатить нашим родителям, когда они состарятся и нужды
их увеличатся, за ту заботливость, за те муки родов и чрез-
мерные страдания, которые они нам одолжили в нашем дет-
стве. В течение всей жизни надо благоговеино относиться и гово-
рить со своими родителями, потому что наказание даже за D
легкомысленные и мимолетные слова бывает в высшей сте-

пени тяжко, ибо над всем этим поставлена надзирать Немесида, вестница Правосудия. Когда родители гnevаются, должно уступать им и их гневу, все равно, проявляется ли он на словах или в поступках: ведь должно признать, что отец, считающий себя обиженным со стороны сына, естественно будет чрезвычайно гневаться. Когда родители скончаются, то самые здравомысленные похороны—самые лучшие; не следует в пышности превосходить обычно принятого, не следует отклоняться от того, что наши предки установили по отношению к своим родителям. В свою очередь, должно совершать и ежегодное попечение о покойных, служащее им к украшению. Но наивысшее почитание заключается в постоянной и беспрестанной памяти о покойных и в уделении им соответственной части из дарованного нам судьбой имущества. Так поступая и живя сообразно этому, все мы в каждом отдельном случае получим награду от богов и тех, кто выше нас, и большую часть нашей жизни проведем мы в добрых надеждах.

Что же касается того, как мы должны относиться к нашим потомкам, родственникам, друзьям, согражданам, к лицам, связанным с нами узами гостеприимства; вообще, как должны мы общаться с людьми, чтобы и собственная наша жизнь стала светлой, радостной и упорядоченной согласно закону,—все это составит предмет рассмотрения самих законов. Законы будут частью убеждать, частью исправлять силой и правосудием те характеры, что не повинуются убеждению; законы сделают наше государство, руководясь советами богов, вполне счастливым и блаженным. Мне кажется, что в этих словах уже дан образец как для законодателя—именно эти взгляды должен он высказать, если только он держится тех же мыслей, что и я—так и для тех, кому он станет давать законы. Поэтому нужно, разобрав по мере сил все остальные вопросы, начать уже самое законодательство. Но какая форма более всего подходит для этого? Не слишком-то легко сразу охватить все сюда относящееся в одном как бы очерке; однако, не сможем ли мы именно как-нибудь так обосновать одно положение—

Клиний. Скажи, какое?

Афинянин. Я хотел бы, чтобы граждане были в высшей степени послушны по отношению к добродетели. Очевидно, и

законодатель во всем своем законодательстве попытается осуществить это.

Клиний. Как же иначе?

9

Афинянин. Сказанное нами принесет, мне кажется, некоторую пользу в том смысле, что граждане, если только у них не окончательно загубела душа, станут более кротко и благосклонно внимать увещаниям законодателя. Во всяком случае, следует удовольствоваться уже тем, если нам удастся сделать слушателя хоть немного более благосклонным и, в силу этого, более склонным к усвоению⁸³. Ведь не слишком-то легко и часто можно встретить людей, усердно стремящихся как можно скорее достигнуть величайшего возможного совершенства. Большинство объявляет Гесиода мудрецом за его слова, что путь к пороку „удобен и прям“ и его можно совершить без пота; „пред добродетелью же“, говорит он,

Пот поместили бессмертные боги.

К ней ведет длинный, крутой, тернистый и узкий в начале Путь. Но когда ты достигнешь вершины, настолько же

легким

Станет тогда твой путь, насколько был ранее тяжек⁸⁴.

Клиний. Прекрасно сказано, повидимому.

Афинянин. В высшей степени. Но я хочу изложить перед вами, какое впечатление произвело на меня предшествующее наше рассуждение.

Клиний. Изложи.

Афинянин. Давайте обратимся к законодателю со следующими словами: Скажи нам, законодатель, если бы ты знал, как нам должно поступать и говорить, то ты, очевидно, и высказал бы это?

Клиний. Неизбежно.

Афинянин. Но разве мы не слышали от тебя немного раньше, что законодатель не должен позволять поэтам творить, что им нравится? Ведь поэты не знают, какими именно своими, противными законам, словами они принесут вред государству.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Наши слова не будут несообразны, если мы от лица поэтов скажем законодателю—

Клиний. Что именно?

С Афинянин. Вот что: Есть одно древнее поверие, законодатель, высказываемое постоянно нами, поэтами, и принятое всеми остальными людьми: поэт, когда садится на треножник музы, уже не находится в здравом рассудке, но представляет изливаться своему наитию, точно какому-то источнику. А так как его искусство есть воспроизведение, то он принужден изображать людей, находящихся между собою в противоречии, и, в силу этого, он вынужден нередко противоречить самому себе, не ведая, что из сказанного истинно, что нет. Но законодателю нельзя высказывать два различных мнения относительно одного и того же предмета, а надо постоянно выражать только один и тот же взгляд. примени это к только что сказанному тобою о похоронах. Так, хотя существуют три вида похорон—чрезмерно-пышные, небрежные и умеренные—ты, законодатель, избрал только один вид, соблюдающий средину между двумя крайностями, его именно одобрил и предписал. Я же, если бы вывел в своем произведении какую-либо чрезвычайно богатую женщину, делающую распоряжения о своем погребении, стал бы хвалить пышные похороны. Если бы вывел человека скардного и бедного, то похвалил бы убогие похороны. Если бы вывел человека, обладающего умеренным состоянием, да и самого по себе умеренного, похвалил бы соответствующие и похороны. Но тебе, законодателю, нельзя так говорить, как ты только что сказал, указав на умеренные похороны: твое дело определить, что именно и в каком размере является умеренным, иначе не думай, что подобное твое слово станет законом.

Е Клиний. Ты совершенно прав.

10

Афинянин. Разве тот, кто у нас поставлен над законами, не предпошет ничего подобного своим законам, но сразу объявит: вот это надо делать, а этого не надо, и, пригрозив наказанием, обратится к другому закону, не прибавив ни одного

слова для увещания и убеждения тех, кому он дает законы? Врачи тоже обычно лечат нас так: один—одним способом, другой—другим. Однако, припомним и тот и другой способы, чтобы обратиться к законодателю с тою же просьбой, с какой обращаются дети к врачу, прося лечить их наиболее нежным способом. Приведем пример: бывают врачи, бывают и их помощники, которых мы также называем врачами.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Эти последние, все равно, свободные ли они люди или рабы, приобретают свое искусство путем наблюдения, опыта и указаний своих господ, но только не вследствие природной одаренности, благодаря которой свободные люди научились сами, да и обучают своих детей. Принимаешь ты это разделение так называемых врачей на два разряда?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. И вот, не подметил ли ты, что врачи-рабы, хотя в городах болеют как рабы, так и свободные люди, пользуются по большей части рабов, снуя повсюду и принимая у себя в лечебницах. Никто из подобных врачей не дает своим пациентам-рабам отчета о их болезни, да и сам не требует этого от них, но, точно он все подробно знает, как тиранн предписывает те средства, которые ему из его опыта кажутся пригодными, а затем вскакивает на ноги и самодовольно удаляется к другому больному рабу. Таким образом, он немало облегчает владельцу заботу о своих больных рабах. Врач же, принадлежащий к свободным людям, пользуется и лечит по большей части больных из этого же класса. Он исследует начало и природу их болезней, осматривая больного, спрашивая его друзей, так что и сам получает кое-какие сведения от своих пациентов; вместе с тем, насколько это в его силах; он настаивает самого больного и предписывает ему лечение не прежде, чем убедит пациента в его пользе. Такой врач делает, путем убеждения, своего пациента все более и более послушным и пытается тогда достигнуть своей цели, т. е. возвратить ему здоровье. Какой же врач, из этих двух, применяет лучший способ лечения? Такой же вопрос можно задать и по поводу учителей гимнастики. Какой учитель гимнастики лучше: тот ли, кто употребляет двойной метод для достижения своей цели,

или тот, кто держится только одного метода, к тому же более сурового и худшего из этих двух возможных методов?

Клиний. Несравненно лучше тот, кто применяет двойной метод.

Афинянин. Хочешь, мы рассмотрим, как употребляются эти методы—двойной и одиночной—в законодательстве?

Клиний. Конечно, хочу

11.

Афинянин. Скажи же, ради богов, какой первый закон установил бы законодатель? Не естественно ли, что он упорядочит прежде всего рождение детей, являющееся первоначалом государств?

Клиний. Так что же?

Афинянин. Это рождение во всех государствах является следствием брачного соединения и общения.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Следовательно, по праву первыми во всяком государстве являются законы о браке.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Применим же сначала одиночный метод. По-
лучится, пожалуй, следующий закон: должно жениться начиная с тридцати лет до тридцати пяти; кто этого не сделает, будет наказан пеней и лишением гражданских прав—пеней в таком-то и в таком-то размере, лишением гражданских прав в таком-то и таком-то отношении. Это простой закон о браке. Закон же, основанный на двойном методе, следующий: должно жениться начиная с тридцати лет до тридцати пяти, сознавая, что человеческий род по природе причастен бессмертию, всяческое стремление к которому врождено каждому человеку. Ибо это и за-
ставляет стремиться к славе и к тому, чтобы собственная могила не была безымянной. Ведь род человеческий есть нечто тесно соединенное с совокупностью времен; он постоянно следует за ней и будет следовать. Таким-то образом он является бессмертным, ибо, оставляя по себе детей своих и, вследствие этого рождения, оставаясь всегда единым и тем же самым, род человеческий причастен бессмертию. Добровольно лишая себя

этого никоим образом не благочестиво. А между тем, кто небрежно относится к жене и детям, тот умышленно лишает себя этого. Повинующийся закону не подвергнется никакому наказанию. Ослушник же, не женившийся по достижении тридцати пяти лет, ежегодно должен в наказание выплачивать такую-то сумму, чтобы ему не казалось, будто холостая жизнь приносит ему облегчение и выгоду. Ему не будет доли в тех почестях, которые в каждом отдельном случае люди помоложе оказывают в государстве старшим. Выслушав этот закон наряду с тем, вы можете судить, следует ли, чтобы законы не только угрожали, но и убеждали и, вследствие этого, стали бы по меньшей мере вдвое большими по объему, или же они должны употреблять только угрозы и быть вполнину короче первых?

Мегилл. Следуя лакедемонским вкусам, чужестранец, всегда должно предпочитать краткость. Однако, если бы меня поставили судьей над этими обеими формулировками закона, так что мне предстояло бы решить, какую из них принять в государстве, я выбрал бы более пространную. То же самое сказал бы я и относительно любого закона, если бы он, по этому образцу, был формулирован двояко. Впрочем, и Клинию только что предложенные законы должны нравиться. Ведь именно о его государстве мы мысленно предполагаем, что оно будет пользоваться этими законами.

Клиний. Я вполне с тобой согласен, Мегилл.

12

Афинянин. Дело совсем не в пространности или краткости формулировки. Должно ценить, думаю я, не краткое и не подробное изложение, но наилучшее. Из только что указанных законов один превосходит другой в смысле пригодности на деле не своим вдвое большим объемом; впрочем, здесь вполне уместно только что приведенное сравнение с двумя разрядами врачей. Ведь, повидимому, ни одному законодателю никогда не приходило на ум, что есть возможность пользоваться при законодательстве двумя средствами: убеждением и силой, насколько это только возможно при невежественности и невоспитанности черни; законодатели пользуются только

последним средством, т. е. силой. В самом деле: они, давая свои законы, не примешивают увещаний и убеждений к той борьбе⁸⁵), которую им приходится вести с чернью, но употребляют только чистое насилие. Я же, друзья мои, вижу, что должно к законам присоединить еще нечто третье, чего сейчас нет нигде.

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. О том, что вытекает, не без воли на то некоего бога, из наших нынешних рассуждений. Мы начали наш разговор о законах ранним утром, теперь настал уже полдень, и мы дошли до этого вот прекрасного места, где так удобно можно отдохнуть; разговор наш все время шел не о чем другом, как о законах; а между тем, мне кажется, мы только недавно начали излагать сами законы, все же предшествовавшее было у нас вступлением к законам. Что я этим разумею? Я хочу сказать, что у всяких речей, у всего, что мы выражаем голосом, есть вступление и своего рода предварительные возбуждения, представляющие собою некоторый искусный приступ, облегчающий достижение цели. Например, так называемым законам пения⁸⁶) под аккомпанемент кифары предпосылаются удивительно тщательно выработанные вступления. То же самое и относительно всякой музыки. Вступлений же к действительным законам— а такими являются, как мы утверждаем, только законы политические—никто никогда не высказывал и—если даже кто их и составлял—не выражал их для всеобщего сведения, точно таких вступлений от природы нет. Наша же нынешняя беседа, как мне кажется, обнаруживает, что такие вступления действительно бывают. В самом деле: только что указанные двойные законы кажутся мне не так-таки попросту двойными; они состоят из двух частей: собственно закона и вступления к нему. Несмешанный закон мы назвали тиранническим повелением, уподобив его повелениям врачей, названных нами несвободными. То же, что названо увещанием, есть действительно увещание и, по своему значению, равняется вступлениям в речах. Для меня ясно, что все это рассуждение и увещание законодатель высказывает ради того, чтобы те, кому он дает законы, приняли его предписания—а это и есть закон—благодаря и, вследствие этой своей благосклонности, стали бы более способными к усвоению. Для меня ясно, что все это было высказано именно

с целью убедить. Поэтому-то, по моему разумению, это может быть названо только вступлением, но не самим содержанием в закона. Что хотелось бы мне еще прибавить к этим моим словам? Вот что: законодатель должен всегда предпосылать своим законам вступления, помня, хотя бы на основании только что разобранного примера, как велика разница между законами, имеющими вступления и не имеющими их.

Клиний. По моему мнению, человек, знающий толк в подобного рода вопросах, станет давать нам законы именно так. С

Афинянин. Мне кажется, ты верно заметил, Клиний, что у всех законов существуют вступления и что, приступая к любому законодательству, следует предпослать всякой формулировке закона подходящее вступление. Ибо это вступление вводит собою не что-либо незначительное; очень важен также вопрос, в ясно ли запоминаемой форме все это выражено, или нет. Однако, мы были бы неправы, если бы постановили, что надо одинаковым образом делать вступления к так называемым крупным законам и к мелким. Ведь ни при пении, ни в любой речи не должно так поступать. Хотя от природы существуют вступления ко всему, но не всеми ими надо пользоваться. Предоставим же это на усмотрение самого оратора, певца и законодателя. D

Клиний. Ты совершенно прав, по моему. Однако, чужеземец, не будем больше замедлять течение нашей беседы и обратимся к самому ее предмету. Начнем, если тебе угодно, с того, что ты высказал тогда, еще не имея в виду, что это окажется вступлением. Давайте снова, во второй раз, начнем с начала, как говорят в играх; быть может, этот раз у нас будет больше удачи, так что мы до конца выскажем наше вступление, уже не уклоняясь в обсуждение того, что придется, как это случилось с нами недавно. Впрочем, согласимся и признаем, что начало этих наших прошлых рассуждений уже относится к вступлению. Ведь вполне достаточно было сказано о почитании богов, попечении о прародителях и о только что затронутом вопросе. Попытаемся высказать, что за этим следует, пока ты не найдешь, что все вступление достаточным образом выражено. А после этого перейдем уже к изложению самих законов.

Афинянин. Итак, мы говорим, что в тогдашнем вступлении достаточно было высказано о богах, о тех, кто вслед за богами, о родителях, живых еще или уже покойных. Очевидно, ты приглашаешь меня высказать то, что еще до сих пор не было затронуто, и как бы внести свет в эти вопросы ⁸⁷.

Клиний. Да, конечно.

Афинянин. Итак, после этого слушателям, да и самому держащему речь, надо обратиться к важному и в высшей степени общему вопросу о том, в какой степени ревностно—или небрежно—надо заботиться о своей душе, теле и об имуществе, в чтобы по мере сил овладеть воспитанием. Вот что, действительно, нам надо вслед за тем подвергнуть рассмотрению.

Клиний. Ты совершенно прав.
